

Глава 16. Преграда

— У тебя есть Пожирающая души лиана... — Мо Си на мгновение задумался, прежде чем продолжить наставление. — Полагаю, в духовных камнях ты нужды не испытываешь. Но запомни: без дела по территории секты не броди.

Нин Цзэ прекрасно понимал, к чему клонит Верховный старейшина. Его лиану легко могли заметить, а это неизбежно навлекло бы лишние беды. Он послушно и серьезно кивнул.

Договорив, Мо Си снова стал холоден и отстранен. Нин Цзэ крепче сжал в ладони нефритовую подвеску, а затем медленно... очень медленно разжал пальцы.

— Верховный старейшина.

Мо Си вскинул брови, глядя на него. Нин Цзэ улыбнулся и искренне, со всей твердостью произнес:

— Нин Цзэ вас не разочарует.

Уголок губ Мо Си едва заметно дрогнул, но он промолчал.

«А ведь и впрямь славный ребенок, — пронеслось в мыслях старейшины. — Неудивительно, что Сюань Чжи так быстро с ним сошелся».

— Надеюсь, ты не забудешь сегодняшних слов.

Закончив с наставлениями, Мо Си удалился в свои покои для медитации.

У Нин Цзэ тоже не осталось сил на суету. Он выбрал комнату поближе к старейшине и провалился в глубокий сон. Проснувшись лишь к вечеру, он заглянул в кладовую, чтобы подкрепиться парой духовных плодов.

Ему хотелось проведать Мо Си и узнать, не голоден ли тот, но, подойдя к дверям, Нин Цзэ так и не решился постучать. Старейшина обладал великим могуществом и давно мог обходиться без еды; скорее всего, даже эти плоды в кладовой были приготовлены специально для него.

Пока он колебался, дверь внезапно распахнулась.

Нин Цзэ замер, а затем на его лице сама собой проступила вежливая улыбка.

— Приветствую Верховного старейшину.

Мо Си отступил в сторону, освобождая проход:

— Входи.

Нин Цзэ, опустив голову, проскользнул внутрь. Он не знал, куда деть глаза: комната Мо Си была почти пуста. Лишь у левого окна стояла кровать из тысячелетнего теплого нефрита, а на правом подоконнике замерла в ожидании расцвета одинокая орхидея.

Здесь было прохладно и неуютно. Сердце Нин Цзэ невольно дрогнуло. Он поднял взгляд и увидел, что Мо Си молча стоит рядом, ожидая объяснений.

Нин Цзэ несколько раз мысленно прорепетировал фразу, стараясь сделать её безупречной:

— С подножия горы прислали духовные плоды. Мне показалось, что они весьма недурны собой, поэтому я решил принести немного Верховному старейшине.

Мо Си обвел взглядом пустую комнату, затем посмотрел на поднос в руках юноши. Одним мимолетным жестом он извлек из накопительного кольца изящный нефритовый столик и два табурета.

— Ставь здесь, — распорядился он.

Нин Цзэ опустил плоды на стол, и они снова замерли друг напротив друга.

Юноша мучительно подбирал тему для разговора, а Мо Си, за сотни лет отвыкший от пустой болтовни, тоже пребывал в замешательстве. Обычно в секте он ограничивался краткими наставлениями, но теперь, оставшись с Нин Цзэ с глазу на глаз, не знал, с чего начать.

Впрочем, раз уж он позволил мальчику остаться, молчание могло показаться слишком суровым.

Нин Цзэ, видя бесстрастное лицо старейшины, ощутил укол печали.

«Неужели я и впрямь помешал ему?..»

Вспомнив, как в прошлой жизни сам не терпел непрошенных гостей, Нин Цзэ расстроился ещё сильнее. Сейчас он наверняка выглядел в глазах Мо Си досадной помехой, вызывающей лишь раздражение.

Нин Цзэ уже собирался откланяться, как вдруг Мо Си произнес:

— Присаживайся.

Не дожидаясь реакции, старейшина первым опустился на табурет. Озадаченный Нин Цзэ последовал его примеру.

— Давно я их не пробовал. Спасибо за заботу, — Мо Си непринужденно взял один плод.

Он явно был настроен на мирную беседу, и Нин Цзэ немного расслабился.

— Главное, чтобы Верховному старейшине понравилось.

Мо Си поднес плод к губам и откусил кусочек. На его лице промелькнула тень улыбки.

Движения старейшины были полны благородного изящества. В сочетании с его безупречной внешностью даже такая простая вещь, как поедание плода, казалась чарующим действием. Нин Цзэ заворожено наблюдал за ним.

— Как тебе здесь живется? Привыкаешь? — негромко спросил Мо Си.

Нин Цзэ встрепенулся и поспешно ответил:

— Благодарю за заботу, Верховный старейшина. Всё чудесно.

Заметив неловкость юноши, Мо Си слегка подался вперед, заглядывая ему в глаза:

— Не стоит так сковываться. Здесь только мы двое. Чего ты боишься?

Мо Си оказался слишком близко. Он смотрел на него глубокими, словно темные омуты, глазами... Нин Цзэ вздрогнул и невольно качнулся назад, едва не свалившись с табурета.

Раньше ему казалось, что между ними пролегает непреодолимая пропасть. И хотя сейчас они сидели рядом, чувство дистанции никуда не исчезло. Для Нин Цзэ Мо Си навсегда остался тем далеким, неземным небожителем, на которого он взирал снизу вверх.

Уловив насмешливую искорку в глазах старейшины, Нин Цзэ выпрямился. В облике Мо Си внезапно проступило нечто живое, человеческое. Далекая заснеженная вершина вдруг превратилась в прохладный лесной ручей.

«Каким бы прекрасным и возвышенным он ни был, он всё же живой человек, — подумал Нин Цзэ. — Разве не этого я жаждал столько лет? И зачем теперь эта осторожность? Если я буду вечно трястись и заикаться, он лишь окончательно во мне разочаруется».

Сбросив оцепенение, Нин Цзэ ответил уже спокойнее:

— Перед Верховным старейшиной я не смею вести себя слишком вольно.

Мо Си, видя, что гость наконец пришел в себя, сменил тему:

— Ты заглядывал в библиотеку? Выбрал себе какую-нибудь технику для совершенствования?

— Да, смотрел, но... — Нин Цзэ замялся.

— Но?

— Некоторое время назад мне в руки попал один свиток, и я уже начал заниматься по нему. Техники в вашей библиотеке, несомненно, велики, но я решил придерживаться прежнего пути.

Мо Си это ничуть не задело. По правде говоря, он не возлагал больших надежд на успехи Нин Цзэ в культивации, а этот вопрос задал лишь ради поддержания разговора.

— Раз определился — усердно трудись.

Нин Цзэ кивнул и, набравшись смелости, спросил:

— Верховный старейшина всегда жил здесь один?

— Когда народу много, нет покоя, — отозвался Мо Си. — Если тебе станет скучно, можешь сходить на Пик Даньхуа, познакомиться с другими учениками.

Теперь, когда лед был сломан, беседа потекла легко и непринужденно. Мо Си, боясь, что юноше будет неуютно в одиночестве, сам старался разговаривать с ним. Они просидели так до глубокой ночи, пока тарелка с плодами не опустела.

Покидая покои старейшины, Нин Цзэ пребывал в неопишемом восторге.

Этот вечер показал ему, что Мо Си вовсе не так холоден и недосыгаем, как казалось. Он оказался удивительно легким в общении собеседником. Нин Цзэ удалось узнать, что старейшина обычно медитирует по ночам, а утром и днем любит прогуливаться в горах за помещьем, коротая время.

Это было логично: достигнув вершины мастерства, Мо Си теперь нуждался лишь в озарении духа, чтобы совершить финальный рывок и вознестись. Изнуряющие ежедневные тренировки ему были уже ни к чему.

«Значит, у меня будет ещё уйма возможностей быть рядом с ним!»

Вернувшись к себе, Нин Цзэ первым делом накормил Пожирающую души лиану, а затем высыпал на кровать всё содержимое своего накопительного артефакта.

Отодвинув в сторону плоды, камни и нефритовые пластины, он принялся изучать четыре магических сокровища. Чутье его не обмануло: три артефакта низшего ранга для атаки и один — вспомогательный. Особой ценности для мастера они не представляли, но Нин Цзэ, будучи сейчас на мели, не привередничал. Он каплею крови закрепил за собой право владения каждым из них: в его положении любая крупица силы была на счету.

Затем он взял в руки старый нефритовый свиток. Внутри оказалась карта. Поначалу Нин Цзэ не придал ей значения, но чем дольше всматривался, тем сильнее становилось его изумление.

Очертания гор, изгибы рек... Это место было ему до боли знакомо. Именно в этом тайном царстве он когда-то встретил свою смерть.

Нин Цзэ пробрала дрожь. В его руках была полная карта того самого тайного царства! Судьба сыграла с ним странную шутку, подбросив этот артефакт сейчас. Впрочем, даже с картой путь туда пока был закрыт.

Спрятав ценности, Нин Цзэ снова взял духовный плод. Ощувив, что Государственный наставник уже успел поглотить часть его энергии, он скрипнул зубами от досады. Смерть от меча Сюань Чжи показалась ему слишком легкой карой для этого старика.

Укротив гнев, Нин Цзэ сжал плод в ладонях и сосредоточился.

Энергия на Пике Цинхуа была в разы плотнее, чем на Пике Даньхуа — должно быть, сказывалось действие массивов, установленных Мо Си. Но для Нин Цзэ, чьи каналы с трудом принимали внешнюю силу, это не играло большой роли.

Он активировал Заклинание Очищения Духа. Потoki силы хлынули из плода в его меридианы. Проходя сквозь горнило очищения, они медленно оседали в его даньтяне.

Если бы кто-то заглянул в комнату, он увидел бы, как вокруг юноши клубится нежно-зеленый туман, окутывая его фигуру сияющим ореолом.

[Концентрация Духа: второй уровень!]

[Концентрация Духа: третий уровень!]

Духовный плод в руках Нин Цзэ окончательно истаял, превратившись в пыль. Юноша медленно

открыл глаза.

Пожирающая души лиана, притаившийся рядом, недовольно хлестнул побегами по полу и подтолкнул к нему новый плод. Он был в ярости: Нин Цзэ просидел в медитации три дня, и всё это время он сидел на голодном пайке!

Нин Цзэ виновато улыбнулся и принялся чертить массив. На этот раз он не спешил, вкладывая в каждый символ духовную силу, чтобы заклинание продержалось как можно дольше.

Лиана, заметив перемену в его движениях, с любопытством замер, иногда осторожно тыкая усиком в светящиеся знаки на полу.

«Получай, егоза».

Энергия в плодах была чистой силой стихии Дерева. Для Нин Цзэ, чьи корни принадлежали к стихиям Дерева и Воды, это было истинным благословением. Однако из-за огромного количества примесей в его духовных корнях процесс шел мучительно медленно. Поглощение первого плода заняло четыре дня, и из-за потерь при очистке он лишь едва перешагнул порог третьего уровня.

Лиана остался доволен новым массивом и милостиво позволил забрать плоды. Нин Цзэ перекусил, немного размялся и без колебаний снова погрузился в медитацию.

Прошло ещё шесть дней.

[Концентрация Духа: четвертый уровень!]

Очнувшись, Нин Цзэ не стал продолжать практику. Первым делом он тщательно прибрал все комнаты в поместье, а затем отправился на задний двор. Там он обнаружил заброшенный аптекарский огород. Редкие лекарственные травы здесь почти задохнулись под натиском бурьяна.

Нин Цзэ засучил рукава и принялся за дело, методично вырывая сорняки и освобождая из плена драгоценные ростки. Раз уж он поселился на Пике Цинхуа, он сделает это место по-настоящему живым.

<http://bllate.org/book/17490/1711889>